

А.В. Полеводов

Национальный археологический
и природный парк «Батаково», Омск

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО
ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО
ПРИИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ –
КАНУН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
(по материалам курганного
могильника Боровянка-XXVII)**

В 2006 году археологическая экспедиция Дирекции Национального археологического и природного парка «Батаково», продолжая многолетние исследования комплекса памятников на гриве «Чигарь», расположенной на юге Большереченского района Омской области (120 км к ССВ от Омска), начала раскопки курганной группы Боровянка-XXVII. Могильник, к моменту исследования насчитывавший 28 насыпей, располагается в березовом лесу паркового типа, занимает обширную площадь (275х410 м) и состоит из трех компактных групп, внутри которых курганы образуют цепочки, позволяющие предполагать определенные планировочные решения. За три года исследования (2006–2008 гг.) были выявлены еще пять насыпей, исследованы шесть курганов из разных цепочек. Выяснилось, что насыпи, группирующиеся в центральной части могильника, оставлены носителями культур эпохи поздней бронзы, а цепочки, расположенные на периферии, состоят из курганов, сооруженных в начале раннего железного века. Данная статья посвящена публикации материалов из двух курганов (№№10 и 23), относящихся к малоизученному периоду в археологии Прииртышья – эпохе поздней бронзы и переходному времени к раннему железному веку.

Оба кургана располагаются в центральной части могильника, входят в одну цепочку, вытянутую в направлении СЗ–ЮВ, состоящую из четырех погребальных сооружений. Курган 10 имел невысокую (около 0,40 м) округлую, хорошо задернованную уплощенную насыпь, диаметром 11–12 м. В ходе ее разборки были обнаружены серия фрагментов керамики разных периодов бронзы, а также, у западной полы, недалеко от дневной поверхности, бронзовая «гвоздевидная» «серьга» (подвеска) (рис. 5-4), характерная для памятников (в том числе прииртышских) ирменской культуры эпохи поздней бронзы (Молодин В.И., 1985. С. 125–126). Скорее всего, подвеска не имеет отношения к комплексу кургана. И, вероятно, попала в насыпь из соседнего, разрушенного пашней кургана 9 (западная пола кургана 10 также подпахана). В центральной части насыпи (рис. 1), на глубине 0,40 м от поверхности, проявилось обширное пятно черного, сильногумусированного, насыщенного мелкими угольками, грунта, размерами 2,50х3,20 м, в пределах которого были зафиксированы участки прокаленной супеси, а также

фрагменты сильно обгоревших деревянных плах, являвшихся деталями рамы, окружавшей погребение. Кроме того, под насыпью обнаружен ровик, который оконтуривал подпрямоугольную площадку, размерами 5,30х7,10 м, ориентированную углами по сторонам света. В северном, восточном и южном углах ровик имел перемычки. Ширина ровика на уровне материка составляла 0,68–0,80 м, по дну 0,27–0,40 м, глубина в материке 0,37–0,42 м. В заполнении северо-восточного отрезка ровика была найдена половина небольшого неорнаментированного сосуда (рис. 5-5) позднебронзового облика. Часть этого же сосуда обнаружена в соседнем, северо-западном ровике. Судя по его деформированному облику и отсутствию следов нагара, он вряд ли использовался в быту, и, видимо, был изготовлен (весьма небрежно) для разового использования (в погребально-поминальных церемониях?).

Центральная и единственная *могила* (рис. 2) находилась в центре кургана, в слое черной, сильногумусированной углистой супеси, на 0,05–0,10 м выше материка. Судя по расположению костяка и плах рамы, могила была ориентирована СВ–ЮЗ, ширина достигала 1,05 м. Северо-восточная часть уничтожена грабительской ямой, либо норой животного. Длина сохранившейся части – около 0,80 м. Стенки могилы были укреплены продольными (сохранились частично) и поперечными (сохранилась только юго-западная) бревнами (плахами). Все остатки деревянной конструкции сильно обгорели, фактически обуглились, как, впрочем, и останки погребенного, от которого сохранился раздавленный череп, часть позвоночного столба, длинные кости одной из рук. Судя по всему, умерший (ребенок или подросток) был уложен на правый бок, головой на ЮЗ, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Сопроводительный инвентарь составили два приземистых чашевидных сосуда (рис. 5-1, 2), типично позднебронзовых форм, стоявшие у восточной стенки сруба, орнаментированные в манере, присущей традициям сузгунской культуры эпохи поздней бронзы. Соответствуют типу IV, по типологии В.И. Мошинской (Мошинская В.И., 1957. С. 124–125, табл. III), типу III по типологии Т.М. Потемкиной, О.Н. Корочкиной, В.И. Стефанова (Потемкина Т.М., Корочкина О.Н., Стефанов В.И., 1995. С. 57–58).

Насыпь **кургана 23**, расположенного примерно в 30 м северо-западнее, видимых нарушений не имела, хотя южная и юго-западная пола (как и у кургана 10), возможно, была подпахана – эта сторона кургана выглядела чуть более пологой. Насыпь имела слегка вытянутую (СВ–ЮЗ) форму, размеры 8х9,5 м, высота – до 0,30 м. В ходе ее разборки, в центральной части, на глубине 0,40–0,45 м от дневной поверхности (на уровне материка), обнаружена *могила 1*. Пятна *могилы 2*, «*котлована*» и *ровика* (рис. 3) проявились после

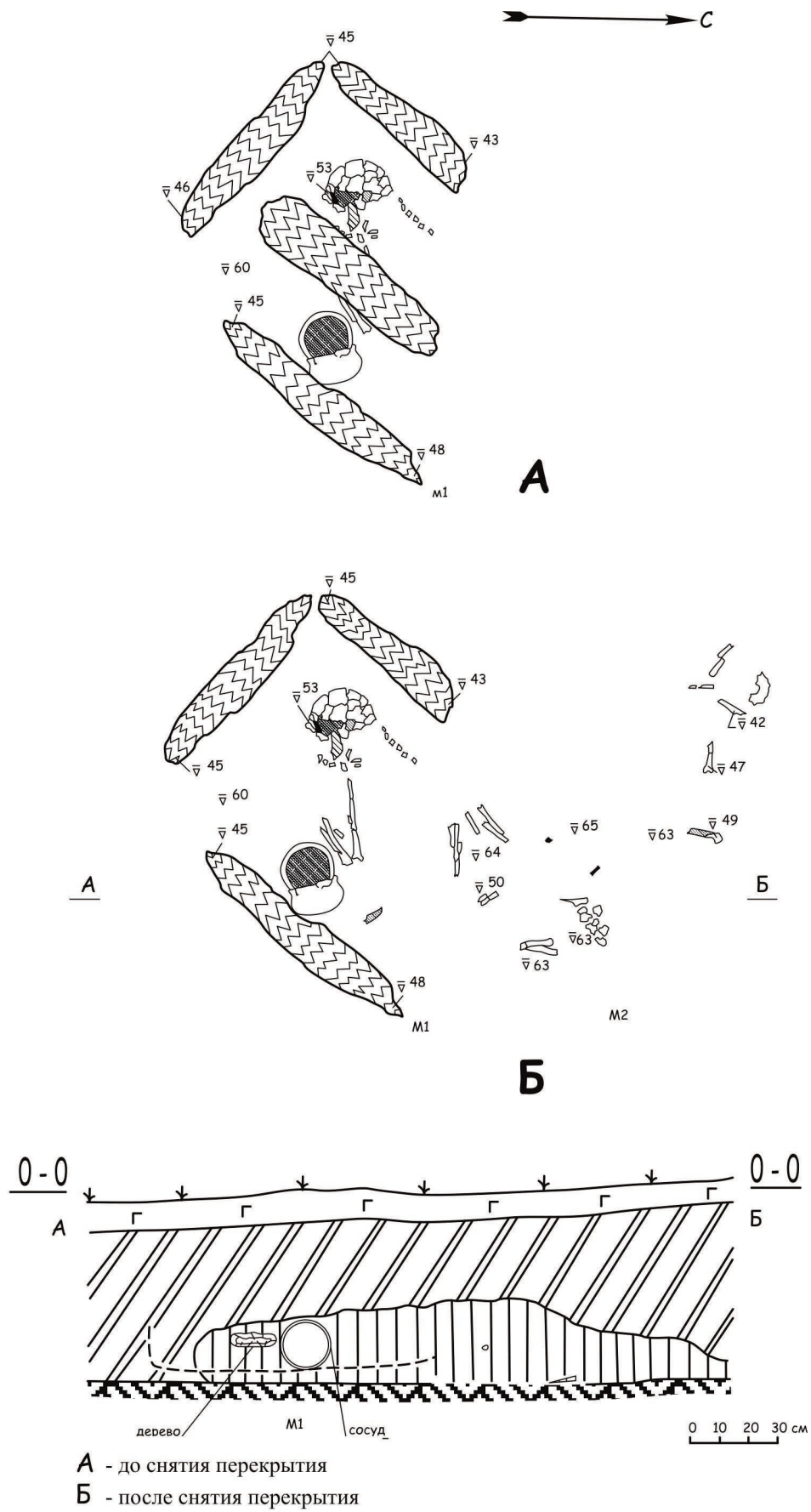


Рис. 2. Могила 1 кургана 10. План и разрез

В могиле обнаружены плохо сохранившиеся (но, скорее всего, nepотревоженные) останки погребенного – череп, длинные кости рук и ног, фрагменты таза – уложенного скорченно, на правом боку, головой на ЮЗ. В 0,12 м к ЮЗ от черепа умершего находился приземистый чашевидный сосуд с орнаментом из смыкающихся вершинами штрихованных треугольников на шейке – типичный для ирменской культуры (среднеиртышский вариант) эпохи поздней бронзы Прииртышья (Стефанов В.И., Труфанов А.Я., 1988. С. 80, рис. 4).

Могилы 2 (рис. 4-Б) располагалась южнее котлована, на месте перемычки ровика. Устроена в овальной формы яме, размерами 1,36x1,50 м, вытянутой СЗЗ–ЮВВ, глубиной до 0,29 м. В углублении на дне ямы были обнаружены разрозненные человеческие останки, судя по размеру, принадлежавшие субъекту (субъектам) детского возраста. Представлены, главным образом, костями конечностей, имеются также незначительные фрагменты таза, ребер и черепа. Расположены они, в основном, беспорядочно, за исключением скопления в северной части могилы, где фиксируются пары бедренных и берцовых костей, находящихся в положении, близком анатомическому. Вероятно, здесь часть костей сохранилась «in situ». На этом основании можно реконструировать позу, по меньшей мере, одного умершего, как скорченно, на правом боку и головой на юг. В целом, сложно сказать, имеем мы здесь дело со следами действия грабителей, или же с особенностями погребальной обрядности. Однако отсутствие следов ограбления центральной могилы делает версию с участием «бугровщиков» сомнительной.

Оба исследованных кургана сами по себе представляют значительный интерес, что обусловлено крайне слабой изученностью погребальных комплексов эпохи поздней бронзы на территории Прииртышья. До недавнего времени практически единственным источником, характеризующим специфику погребальной обрядности среднеиртышского (розановского) варианта ирменской культуры, оставались материалы кургана 3 могильника Калачевка II (Труфанов А.Я., 1990. С. 8; 1991). Однако, в последние годы в лесостепном Прииртышье выявлен еще ряд погребальных комплексов, имеющих ирменскую принадлежность (курганные могильники Боровянка-XVII, XVIII, XXIII, Саргатка-IV) (Полеводов А.В., 2006). И хотя общее количество исследованных здесь курганов остается незначительным (около 10), можно констатировать, что, наряду со вполне типичным набором признаков, общим для ирменских погребений всех регионов распространения культуры, изученные в Прииртышье комплексы обладают и рядом оригинальных черт. В первую очередь, это – наличие «котлованов», по-видимому, специально устраивавшихся, неглубоких, но более или менее значитель-

ных по площади углублений в центре курганной площадки, округлой (либо подпрямоугольной, со скругленными углами) формы, в пределы которых помещалась (или «впускалась») могила. Помимо описанного кургана 23, аналогичные объекты были открыты в кургане 21 того же могильника Боровянка-XXVII (раскопки автора, 2008 год), в кургане 9 могильника Боровянка-XXIII (раскопки Н.П. Довгало, 2005 год), а также в кургане 10 могильника Батаково-XXI, который, впрочем, был отнесен нами к сузгунской культуре (Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков Е.А., 1997. С. 125). Свообразие ирменским погребениям Прииртышья также придают спаренные погребальные сооружения с ровиками, коллективные (многоактные?) и ярусные захоронения, а также могилы с неполными костяками («вторичный» обряд погребения?) и в редких случаях, северо-западная ориентация умерших (Погодин Л.И., Полеводов А.В., 2003. С. 344; Погодин Л.И., Полеводов А.В., 2006. С. 117–120). Примечательно, что тот же набор черт (включая обширные искусственные углубления в материке, в центр которых впускена одна или несколько могил) характеризует погребальный обряд курганов «раннесаргатского» (по Л.И. Погодину) могильника Стрижево-I, датируемых VI–V вв. до н.э. Столь специфическое сходство позволяет ставить вопрос о преемственности погребальной обрядности эпохи поздней бронзы и начала железного века, и служит дополнительным аргументом в пользу участия ирменского (и сузгунского) населения лесостепного Прииртышья в генезисе саргатской культуры (Погодин Л.И., Полеводов А.В., 2003. С. 344).

Могилы 2 описываемого кургана 23, несмотря на вполне очевидное отличие от центральной, тем не менее, не производит впечатления «инородной» – на что указывает, в первую очередь, положение останков (скорченно, на правом боку, головой на юг). В контексте ирменской культуры, близкие по признакам погребальные комплексы исследованы на некрополе городища Чича-1 в Барабе, для которых характерно помещение останков умерших в углубленные в материк ямы. В большинстве могил отмечается хаотичное расположение костей одного или нескольких субъектов, но известно и положение скорченно, или на спине, с подогнутыми ногами, головой на юг. Погребения с неполными костяками и беспорядочным размещением останков новосибирские исследователи трактуют как «вторичные», не приводя, правда, в обоснование своей версии каких-либо аргументов (Чича – городище переходного..., 2004. С. 240–261, 286). На наш взгляд, есть основания полагать, что в данном случае мы имеем дело с т.н. «обрядом обезвреживания умерших» (Флеров В.С., 2000. С. 9–21), и фиксируем результаты проникновений в могилы, предпринятых современниками и сородичами умерших.

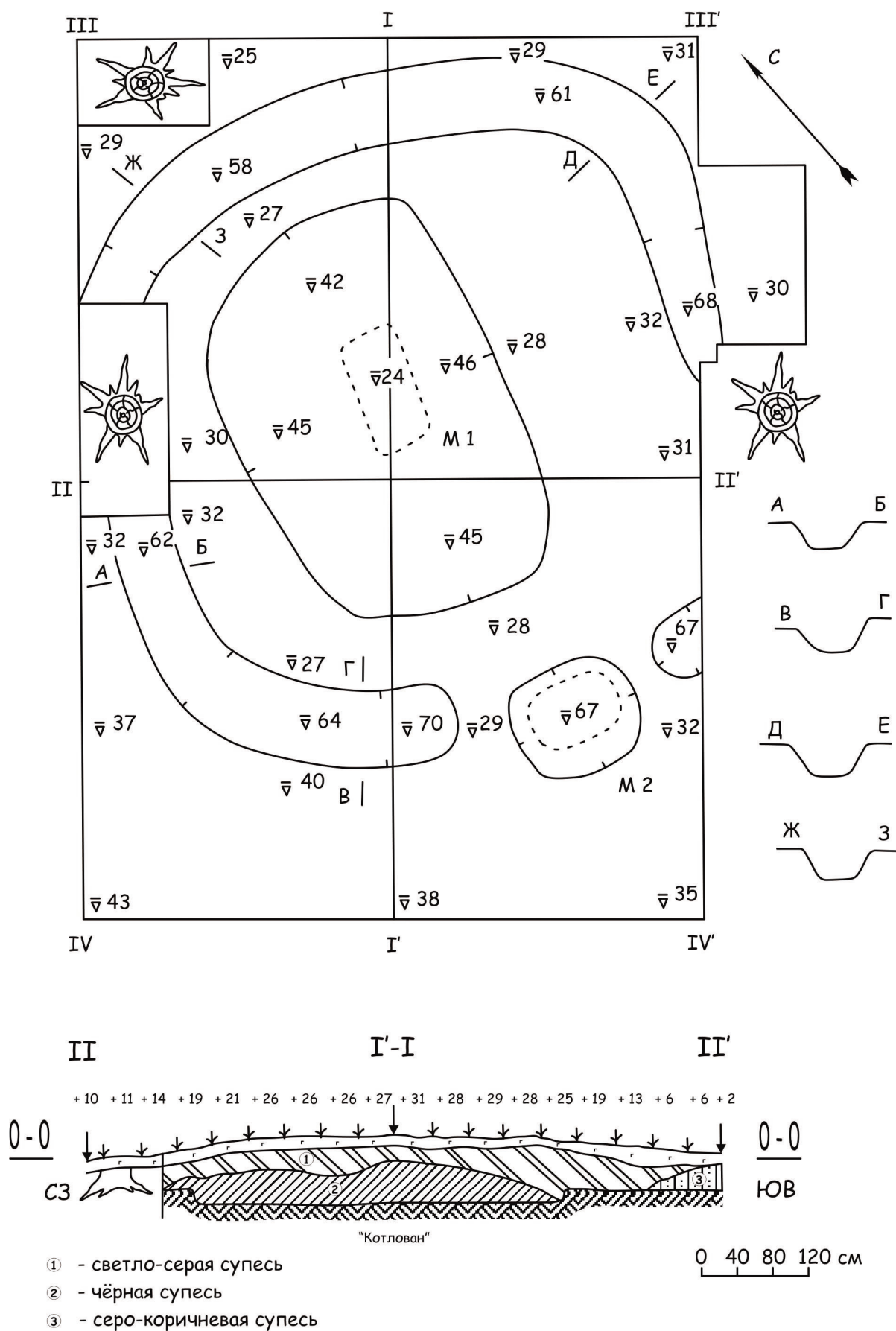


Рис. 3. Курган 23 могильника Боровянка-XXVII. План и разрез насыпи

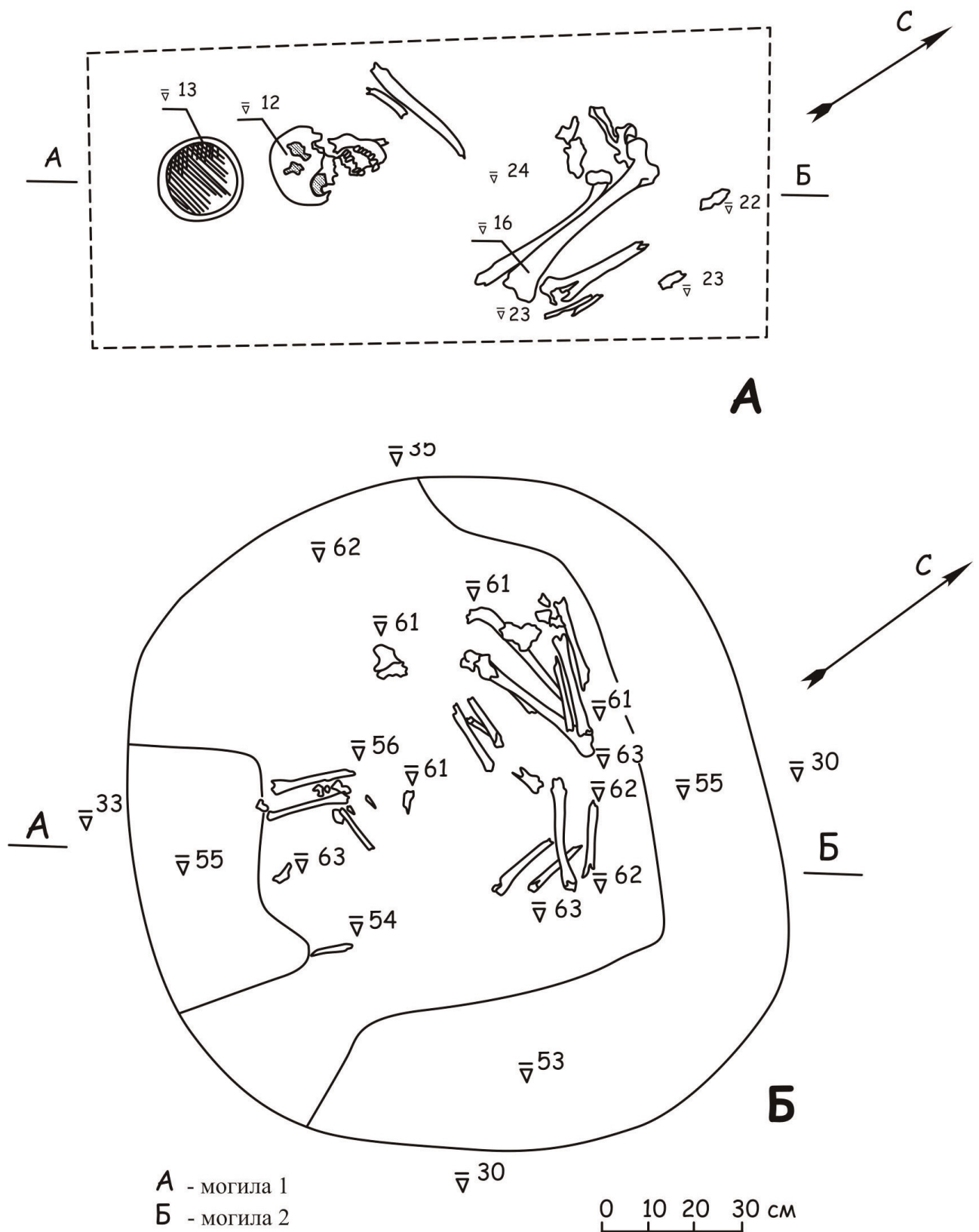
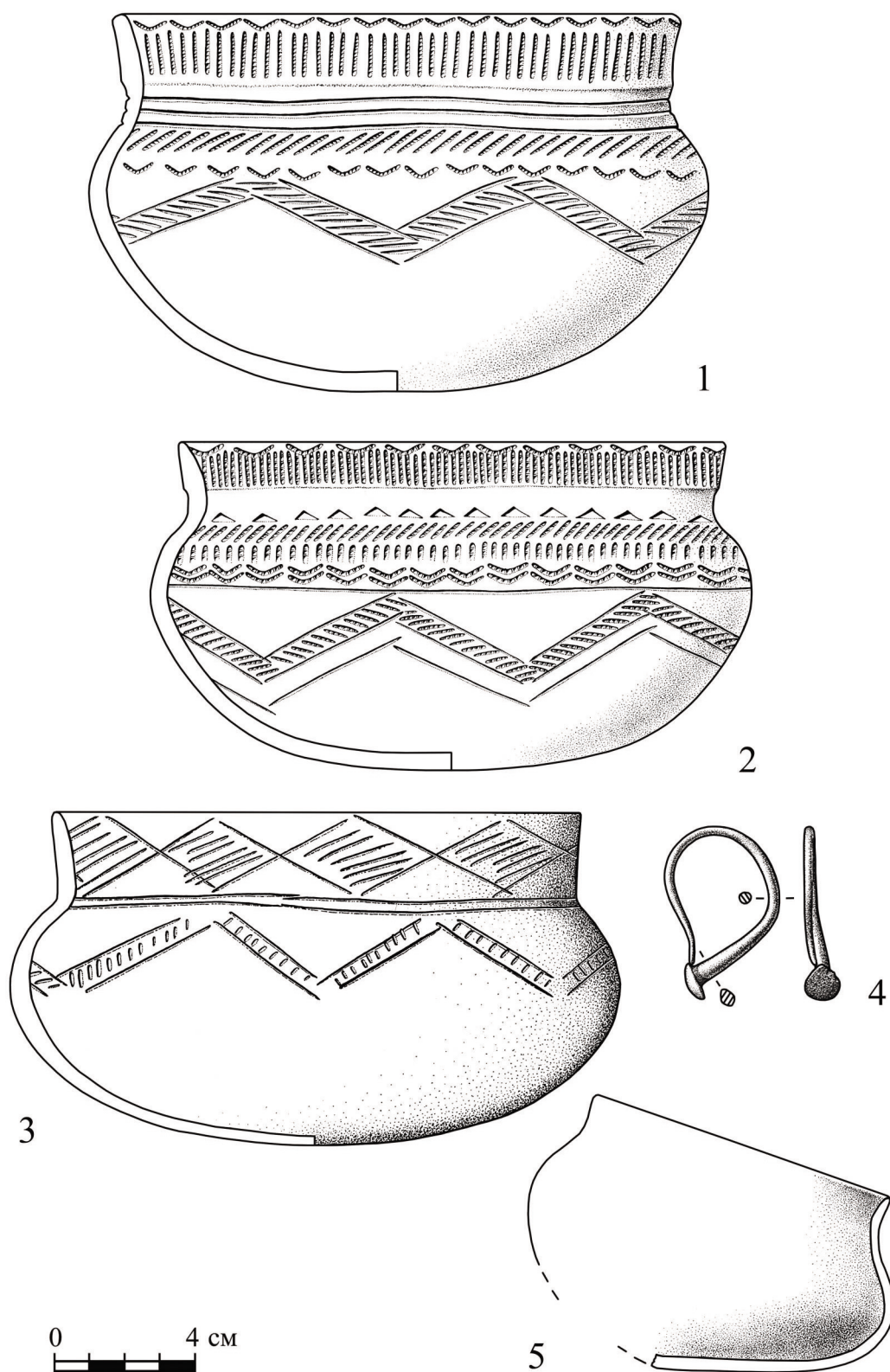


Рис. 4. Могилы 1, 2 кургана 23



1, 2 - могила 1, курган 10
3 - могила 1, курган 23
4 - насыпь кургана 10
5 - ровик кургана 10
1-3, 5 - глина; 4 - бронза

Рис. 5. Находки из курганов 10, 23

В культурно-хронологическом аспекте погребения, изученные вблизи от городища Чича I, относят к позднерименской культуре переходного от бронзы к железу времени, подчеркивая черты, отличные от классического ирменского обряда – углубленные в материк округлые могильные ямы, коллективные погребения, «следы вторичных захоронений» (Молодин В.И., 2006. С. 118). Нельзя не обратить внимания на то, что отмеченные черты, в той или иной форме, известны и в прииртышских могильниках. Если отмеченное сходство барабинских и прииртышских погребений не является случайным, это может стать основанием для выявления общих тенденций трансформации ирменского погребального обряда накануне раннего железного века. Любопытным при этом представляется соотношение погребений, осуществленных по классическому и «нетрадиционному» обрядам, исследованных в кургане 23. Локализация могилы 2 (по нашему мнению – со следами «обрядов обезвреживания умерших») представляется не случайной – будучи устроена в районе перемычки ровика, окружающего центральное погребение, она (могила) как бы «запечатывает» сакрализованное пространство, что можно рассматривать как одно из завершающих действий организации конкретного погребального комплекса. На основании этого уместно предполагать, что обе могилы взаимосвязаны, и, если не одновременны, то устроены в пределах относительно небольшого промежутка времени, что дает основания предполагать, что данный курган, а возможно, и вся цепочка, в которую входят исследованные насыпи, сформировалась в самом финале эпохи бронзы. Отражает ли эта ситуация, в таком случае, особенности трансформации традиционной погребальной обрядности, так сказать, ее «переходность»? Или же мы имеем дело с проявлением одновременного функционирования двух обрядовых систем у одной группы населения? Очевидно, что ответ на эти вопросы возможен только после существенного расширения источниковой базы по погребениям финала бронзового века – переходного времени, как в Прииртышье, так и в Барабе.

Не менее примечательным представляется и захоронение, исследованное в кургане 10. На первый взгляд, его основные характеристики, в первую очередь ориентация и поза умершего – находят полные аналогии в погребальных комплексах ирменской культуры. Известны среди последних и внутримогильные конструкции (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.М., 1993. С. 79–80), подквадратные ровики (Молодин В.И., 1985. С. 133) и погребения со следами воздействия огня (Матюшенко В.И., 2006. С. 21). С учетом расположенных рядом ирменских курганов, эти аналогии могли бы стать решающими при определении культурной принадлежности

погребения. Однако наличие сопровождавших погребенного сузгунских сосудов, заставляет с большей осторожностью подходить к его культурно-хронологической интерпретации.

Количество сузгунских погребальных комплексов, известных на сегодняшний день в пределах всего ареала культуры, от Нижнего Притоболья до Барабы, даже меньше, чем ирменских в Прииртышье (Полеводов А.В., 2003. С. 9). Кроме того, информативность этих комплексов далека от исчерпывающей, поскольку все они в большей или меньшей степени потревожены. Как можно судить, наиболее стабильными признаками изученных сузгунских погребений являются наличие курганных насыпей и расположение могил в почвенном слое (выше или на материке), что вполне соответствует основным эпохальным тенденциям. В то же время, сильно варьируют формы устройства могил (индивидуальные и коллективные, иногда – до нескольких десятков погребенных!), способы обращения с телами умерших: кремация (частичная и полная), труположение вытянуто на спине и скорченно на боку, вторичные захоронения, ориентация останков как в северные, так и в южные сектора (Стефанов В.И., 1979. С. 82–90; Полосьмак Н.В., 1987. С. 286–287; Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 1997. С. 21–22; Полеводов А.В., 2003. С. 10–11). Чем обусловлена такая «поливариантность» сузгунского погребального обряда, однозначно сказать трудно, хотя есть основания говорить об определенной локальной специфике.

Наибольшую близость изученному в могильнике Боровянка-XXVII захоронению демонстрируют связываемые с сузгунскими древностями погребальные комплексы из южного, лесостепного ареала культуры, в первую очередь – лесостепного Прииртышья – центральные погребения кургана I могильника Калачевка-II (Могильников В.А., 1968. С. 94–97; Труфанов А.Я., 1991. С. 77) и кургана 10 могильника Батаково-XXI (Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков Е.А., 1997. С. 122–125). В них умершие были помещены в одновенцовые бревенчатые рамы, причем в могильнике Батаково-XXI и рама и останки погребенного также испытали воздействия огня, а под насыпью выявлены следы неуглубленного в материк ровика. Из-за разрушения, позу и точное положение костяков в обоих погребениях с рамами установить невозможно, однако меридианальная ориентация бревенчатых сооружений, скорее всего, предполагает аналогичную и для тел умерших. Погребение, в котором тело умершего лежало скорченно на правом боку, головой на ЮЗ, сопровождаемое сузгунским сосудом, но без следов насыпи и внутримогильных конструкций, изучено в составе погребального комплекса на поселении Усть-Китерьма-IV на Больших Крутинских озерах (Ишимово-Иртышское междуречье) (Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 1997. С. 21–22). Под-

квадратный ровик с перемышкой в южном отрезке известен также в одном из курганов Абатского-1 могильника на Ишиме, также получившем сузгунскую атрибуцию (Мошкова М.Г., Генинг В.Ф., 1972. С. 92–101; Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. С. 102).

С учетом этих данных, ирменская «природа» некоторых черт исследуемого погребения уже не кажется бесспорной. Так, внутримогильные конструкции до сих пор остаются практически неизвестны не только в немногочисленных ирменских курганах Прииртышья, но и в на порядок лучше представленных (и изученных) курганах Барабы (Молодин В.И., 1980. С. 135). В тоже время погребения со следами воздействия огня на тела умерших в сузгунских комплексах имеют гораздо более массовый характер, нежели в ирменских (Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 1997. С. 125). Таким образом, резонно предположить, что комплекс черт, присущий погребению кургана 10 могильника Боровянка-XXVII, носит смешанный

характер. А следовательно, и само погребение, которое, вероятно, оставлено сузгунскими «инкорпорантами» (по терминологии В.В. Боброва) в ирменской среде, испытывшими с их стороны определенное, возможно значительное влияние.

В этом качестве курган 10, сооруженный на одном могильном поле с ирменскими, представляет еще одно свидетельство в череде фактов (Стефанов В.И., Труфанов А.Я., 1988. С. 82–85; Труфанов А.Я., 1991. С. 77; Погодин Л.И., Полеводов А.В., 2006. С. 121), демонстрирующих тесные связи между носителями ирменской и сузгунской культур. Количество этих фактов уже сейчас позволяет охарактеризовать контакты и взаимодействия населения обеих культур как регулярные и продолжительные, что, на наш взгляд, наиболее вероятно в условиях черезполосного проживания разнокультурного (ирменского и сузгунского) населения в лесостепном Прииртышье в продолжении эпохи поздней бронзы и в переходное время к железному веку.

Литература

Бобров В.В., Чижишева Т.А., Михайлов Ю.М. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. III Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.

Могильников В.А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка-II // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 94–98.

Мошинская В.И. Сузгун-II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, 1957. №58. С. 114–135.

Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 87–118.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Некрополь городища Чича 1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Наука, 2006. №4(28). С. 115–124.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. К характеристике переходного периода от бронзы к железу и начала железного века в лесостепном Прииртышье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Книга 1. Барнаул, 2003. С. 343–347.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-XXVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 117–134.

Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков А.В. Курганный могильник Батаково-XXI – **новый погребальный памятник** сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 121–125.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2003. 22 с.

Полеводов А.В. Культурно-историческая ситуация в лесостепном Прииртышье в эпоху поздней бронзы – переходное время от бронзы к железу // II Северный археологический конгресс. Екатеринбург: «Чароид», 2006. 310 с.

Полеводов А.В., Труфанов А.Я. О погребальном обряде сузгунской культуры // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Матер. IV Междунар. конф. Часть IV. Омск. 1997. С. 19–23.

Полосьмак Н.В. Работы Западно-Сибирского отряда // АО 1985 г. М.: Наука, 1987. С. 276–277.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М: ПАИМС, 1995. 207 с.

Стефанов В.И. Сузгунские погребения на Потчеваше // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. С. 82–90.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 75–88.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 22 с.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка-II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Издание ОмГУ, 1991. С. 76–77.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания умерших. М: ПолиМЕдиа, 2000. 164 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004. Т. 2 (Материалы по археологии Сибири). 336 с.